

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

КНИГА

5

1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ

* * *

Мы не думаем, что поставленные в настоящей статье вопросы исчерпывают весь вопрос о мусульманском духовенстве. Вопрос новый, в литературе нашей мало освещенный. Вопрос важный и сложный.

В настоящей статье мы не коснулись ряда проблем, составляющих часть вопроса о духовенстве или связанных с ним. Так, например, следовало отдельно остановиться на таких, хотя бы, вопросах, как: что связывает и что разъединяет отдельные группы духовенства, связь всего происходящего в средне-азиатском духовенстве с изменениями на всем Востоке, роли и влияние живоцерковного движения в православии, отдельных консервативно-настроенных ученых—европейцев, вопрос о сектанстве и проч. Не коснулись мы и вопросов антирелигиозной пропаганды, в особенности, в кишилаке и ауле.

Революционное движение в Средней Азии.

Заболонков.

К 15-тилетию восстания сапер в Ташкенте.

В условиях оторванности от политической жизни, жесточайшей палочной дисциплины, мордобития, обезличенный и придавленный сацогом офицера-жандарма, солдат царской армии восставал в особо трудные для него моменты, когда наступал предел человеческого терпения, когда он не видел иного выхода из тисков беспроблемного насилия, чинимого над ним сворой царских опричников.

Эти восстания, возникавшие, зачастую, без связи с массовыми политическими выступлениями рабочего класса, жестоко подавлялись такими же воинскими частями царской армии, которые в общей массе, вплоть до 1917 года, оставались послушным орудием в руках своих классовых врагов.

Восстания не проходили бесследно. Кровавая расправа царя с восставшими, сопровождавшаяся казнями и массовыми ссылками на каторгу, обективно готовила сотни и тысячи бойцов-революционеров—будущих могильщиков царского строя.

Восстания чаще происходили в инженерных частях—здесь был удлиненный срок службы, связанный с тяжелым физическим трудом и жестоким дисциплинарным зажимом. Кроме того эти части комплектовались, главным образом, из фабрично-заводских рабочих, несших с собой в царскую армию революционное настроение пролетариата.

Таким же, пожалуй, было восстание 1-го и 2-го Туркестанских саперных батальонов в Троицком лагере под Ташкентом, 15-тилетие которому исполнилось 14/VII—27 г. (н/с).

Ход восстания.

В 10 час. 10 мин. 1/VII—12 г.*) Полковник Еранцев телеграфировал из Троицких лагерей командующему войсками Туркестанского Округа генералу Самсонову «Солдаты бастуют, стрельба», а через 3½ часа оттуда генерал Воронов сообщил о подавлении восстания.

Большое начальство совершенно не ожидало восстания, ибо только за несколько дней до этого из лагерей было сообщение, что все спокойно и ничего плохого не предвидится.

Проморгав восстание, начальство старается быстро ликвидировать «неприятную историю». В лагерь спешат специальные гонцы, едят «сам» Самсонов, наряжается специальное следствие. Председатель совета министров Коковцев из Петербурга 6/VII—12 г. просит сообщить о причинах восстания, но обязательно шифром—во избежание неприятных разглашений. На это Самсонов спешит ответить, что причины пока не выяснены, но что бунт был подавлен так быстро только благодаря своевременно принятым мерам.

Спешно составленное заключение по следственному производству об беспорядках в 1-м и 2-м Туркестанских саперных баталионах 1-го июля 1912 г. рисует следующую картину событий.

«Около 8½ часов вечера 1-го июля, после ужина и вечерней переклички, впереди лагеря 1-го Туркестанского саперного баталиона раздались один или два выстрела. Вслед за этим со стороны передней линейки 1-го баталиона послышались сначала слабые, а потом усилившиеся крики—«ура». Одновременно с передней линейки стали раздаваться одиночные выстрелы и топот бегущих людей. Крики «ура» были подхвачены нижними чинами 1 и 3 рот 2-го баталиона. Из бараков 2, 3 и отчасти 1 рот 1-го баталиона выбегают и собираются на передней линейке нижние чины с винтовками в руках. Стрельба усилилась и собравшаяся толпа двинулась в сторону 2-го баталиона. Нижние чины 1 и 3, а отчасти 4 и 5 рот 2-го баталиона тоже выбегают с винтовками и соединяются с людьми 1-го баталиона. Успевшие разобрать винтовки небольшими партиями вбегают в бараки своих баталионов, выгоняют оттуда людей и призывают брать винтовки. Одна только 2-я рота 2-го баталиона осталась спокойной, разобрала винтовки по приказу своего фельдфебеля. Скоро прибыл в нее и командир Жильцов. Он раздал людям патроны, приказал петь «Песнь о Вещем Олеге» и вывел роту на переднюю ли-

*) Все выдержки из приводимых документов датируются старым стилем. Автор.

нейку. При построении роты Жильцов получил штыковой удар в спину, но остался в строю. Построившаяся рота увидала перед собой группу восставших, которые обстреливали лагерь. По приказу Жильцова она дает залп по восставшим и после стреляет по ним пачками. Восставшие отходят на левый фланг 2-ой роты 1-го баталиона и группируются в числе около 300 человек на горке возле сигнальной вехи. Часть из них обстреливает 1-й баталион, а человек 20 спускаются вниз и обстреливают пространство перед околодком 1-го баталиона.

Затем восставшие двинулись к лагерю 1-го Туркестанского стрелкового полка, к музыкальной команде, забирают музыкальных учеников, и они играют марш. Затем, вернувшись на горку, а оттуда, спустившись к лагерю 2-го баталиона, начинают обстреливать изменившую 2-ую саперную роту. Жильцов перестроил свою роту и стал стрелять пачками по восставшим во фланг. Восставшие не выдерживают и, отстреливаясь, отступают. Одновременно на восставших повели наступление и остальные части лагерного сбора и цепями окружили лагерь. Отступающие, последний раз открыв частый огонь по стрелковым частям, после непродолжительной перестрелки разбегаются».

Из этого же заключения, а также отдельных показаний солдат на предварительном следствии, можно прийти к выводу, что баталионы восстали не в полном своем составе. Так, 5-я рота 1-го баталиона в восстании вовсе не принимала участия; 2-я рота 2-го баталиона выступила против восставших и к ней потом присоединились части рот 4-й 2-го баталиона, 3-й 1-го баталиона и др.

С началом восстания в каждой роте идет борьба руководителей, восставших с нижним командным составом за обладание винтовками, которая вносит суматоху, нервирует уже выступившую массу восставших, вызывает стрельбу их по замешкавшимся ротам, что повышает панику, и роты разбегаются.

Удачно для восставших борьба кончается в 3-й роте 1-го баталиона, которая в основном происходит так: «Услышав одиночные выстрелы на передовой линейке, нижние чины роты заволновались, главным образом, во 2-й полуроте. Подпрапорщик Бережной, унтер-офицеры: Верещагин и Холодный и дежурный по роте ефрейтор бросились к пирамиде. В барак вбегает толпа нижних чинов. Бывшие в этот момент рядовые Павел Волков, Попок, Жигаловский, Баряев и Котляр закричали: «разбирай винтовки». Подпрапорщик и унтер-офицеры совместно с дежурным по роте и дневальным, рядовым Кресто-

вяком стараются воспрепятствовать им. Видя это Волков обругал подпоручика Бережного и замахнулся на него штыком. Между тем в бараке появились и нижние чины 2-й роты. Толпа дважды бросалась к пирамидам и оба раза отступала под влиянием уговоров подпрапорщика Бережного. В это время сзади Бережного появился штабс-капитан Похвистнев и крикнул подпоручику, чтоб он не давал винтовок. Затем штабс-капитан Похвистнев исчез, а толпа нижних чинов, подстрекаемая Волковым, Попоком и др., вновь двинулась к пирамиде, смяла и вытолкнула из барака Бережного и других, помогавших ему нижних чинов и разобрала винтовки. В этот момент в барак вбежал подпрапорщик Шадский и, размахивая обнаженной шашкой, кинулся к толпе нижних чинов, крича, чтоб они не смели трогать винтовки. Павел Волков ударил подпрапорщика Шадского штыком в живот и Шадский упал. Нижние чины, разобрав винтовки, выбежали на переднюю линейку, а немногие оставшиеся в бараке, попрятались.

В результате восстания оказались убитыми: штабс-капитан Похвистнев и умерли от ран подпоручик Красовский и 2 нижних чина и ранено 16 человек.

2/VII—12 г. (с/с) генерал-лейтенант Воронов сообщил Самсонову, что в подавлении сапер участвовали: 1) учебная команда 1-го Туркестанского стрелкового полка, 2) 1-й батальон 2-го Туркестанского стрелкового полка, 3) Учебная пулеметная и конно-разведывательная команды и 8-я рота 3-го Туркестанского стрелкового полка, 4) 6 рота 4-го Туркестанского стрелкового полка с учебной пулеметной и конно-разведывательной командами, 5) 3 сотни 5-го Оренбургского казачьего полка и бывшая дежурной 1-я батарея 2-го Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона.

Отличившимися в подавлении оказался капитан 2-й роты 2-го Турк. саперного батальона Жильцов, самим государем произведенный впоследствии в полковники (в империалистическую войну убит под Варшавой). Затем Самсонов в рапорте от 23/VIII—12 г. № 4040 сообщал военному министру: «Ревностным помощником капитана Жильцова был младший унтер-офицер его роты подпоручик Зеленский, все время помогавший своему ротному командиру устраивать людей и руководить их огнем, раздававший им патроны и т. д.».

После восстания.

Архивные материалы дают мало данных для суждения о том как поступили с захваченными саперами. Отдельные источники этих материалов

дают указания, что с утра 2-го июля раз бежавшие саперы по одиночке и группам стали сходиться в лагерь. Их арестовывали, обыскивали, отбирали винтовки и отправляли под арест. В отдельных рапортах начальников частей лагеря попадаются косвенные подтверждения, тому, о чем рассказывает участник восстания бывший телеграфист 4-й телеграфной роты саперного батальона т. Малышев.

«Восставшие, пишет т. Малышев, разбежались, часть на запад, а большинство на восток. На передней линейке, у знамени, оркестр заиграл «Боже царя храни». После оба батальона снесли оружие в одно место, отступили от оружия на 25 шагов и были оцеплены двумя цепями пехоты и цепью казаков. С запада было выставлено несколько батарей артиллерии. В этом оцеплении саперы сидели больше суток не выходя даже для естественных потребностей. На вторые сутки были переведены на другое место, где была возможность оправляться в определенном месте и перегородить небольшой протекающий грязный арык, который и был единственным источником водоснабжения. На 4-е сутки был произведен тщательный обыск в вещах каждого солдата в отдельности и солдаты были размещены по всем помещениям».

В первый же день после восстания вернулись цбровольно или были захвачены казачьими разъездами 174 чел. В окрестные волости на поимки бежавших наряжались специальные офицерские дозоры. Самсонов дал распоряжения по жел. дор. и в области о поимке бежавших. Скрылись только 3 рядовых сапера, а остальные в разное время были переловлены.

Подготовка восстания и предательство Шереметьевского.

Большинство из восставших на предварительном следствии никаких обличающих показаний не делали. Разоблачителями оказались офицерство и особенно низший командный состав, а также незначительное число рядовых, бывших дневальных, дежурных и пр. Особенno постарался предатель рядовой Петр Андреевич Шереметьевский (3-я рота 1-го саперного батальона). Из его показаний видно, что еще перед пасхой, рядовой 3-й роты, Рейкин говорил ему о необходимости восстания. 29 апреля батальоны выступили в лагерь, а 3-го мая Шереметьевский был посажен под арест. С ним сидели рядовые: Гунько и Паракин, а также старший унтер-офицер Неверов. Они говорили, что следует устроить вооруженный бунт, чтобы добиться: сокращения службы, улучшения пищи, изменения в обращении офицеров с нижними чинами и т. п. 4-го мая ря-

довой сообщает Шереметьевскому, что в лагере собираются сходки и нижние чины хотят восстать. Место сходок сартовская лачужка, что против батальона. На сходках бывают нижние чины обоих саперных батальонов, стрелки 1 и 3 стрелковых полков и нижние чины крепостной артиллерии. 4-го же Шереметьевский сообщил обо всем штабс-капитану Золотухину.

5-го июня состоялась большая сходка, на горке перед 1-м батальоном. Было до 80 нижних чинов саперных батальонов, стрелков и также 2 и 3 крепостной артиллерии. Говорили, что надо устраивать вооруженный бунт, жаловались на дисциплину, на пищу, на офицеров за плохое обращение, на тяжесть службы. Сходка была ночью. Об этой сходке Шереметьевский доложил подпрапорщику Шурховскому, а тот пригрозил Синельникову веревочкой. После этого сходки прекратились и стали собираться группами в 3—5 человек. Такие групповые сходки были 6, 7 и 9 июня. На сходках Шереметьевский заметил из 3-й роты: Феденко, Баряева, ефрейтора Юсупова, Недзведь, Ужегова, Бражникова, Волкова и др. Последний играл выдающуюся роль и был, видимо, главным руководителем. Затем были низшие чины 2-й роты: Потоцкий и др. Из наиболее рьяных участников были, говорит Шереметьевский, ефрейтор Юсупов и рядовые: Бражников, Ужегов, Недзведь и Баряев. За неделю до беспорядков о готовящемся восстании Шереметьевский сообщил командиру батальона.

Как то рядовой Файнштейн говорил Шереметьевскому, что батальон имеет сношение с Ташкентом и указывал на разносчика булок Боровика, как посредника и агитатора. Говорил, что в Ташкенте существует военная организация, готовящая бунт, что из 2-го батальона сбежали нижний чин и еврей, чтобы сговориться в Ташкенте о времени бунта и что 1 и 3 роты этим людям собрали деньги. От этого нижнего чина ждали известий и бунт должен был быть 29-го июля в час ночи. Шереметьевский поспешил доложить комбату. В роте ему Баряев и другие подтвердили, что бунт будет сегодня 29/VII. Однако, когда он ходил к командиру батальона, его увидели там 2 нижних чина и после стали называть шпионщиком. Командиры стали обходить роты. Нижние чины догадались, что бунт открыт—и ночь прошла спокойно. На другой день Волков был в наряде, и нижние чины говорили, что без него невозможно.

Это показание стало гвоздем всех оснований для решения царского суда, оно открывало и большинство инициаторов восстания. На основе их лагерь бы наводнен патрулями, офицера

обходили роты днем и ночью, были взяты под надзор главные участники сходок. Показания других лиц и, главным образом, унтер-офицеров рисовали действия отдельных участников уже во время восстания и это дало возможность Самсонову телеграфировать Коковцеву, что главными руководителями были нижние чины 3-й роты: Гессен, Рачинский и Савкин и что у саперов была организованная связь с гражданскими лицами в Ташкенте через саперов евреев. Детали этой связи царские опричники так и не выяснили. Однако, безошибочно можно предположить, что связь руководителей восстания с партийными организациями в Ташкенте была и довольно крепкая. Скрывшийся и нерозысканный Боровик был, несомненно, членом одной из партий и, устроившись булочником в лагерях, являлся связующим звеном сапер с парторганизациями в Ташкенте.

Причины восстания.

Из предыдущего видно, что на сходках, предшествовавших восстанию, обсуждались вопросы местного характера. Обвинительный акт так и говорит, что участникам восстания предъявляется обвинение в том, что они собирались перебить неугодных им офицеров и с оружием в руках заставить начальство исполнить требования об улучшении пищи, сокращении срока службы, уменьшении времени работ, изменении порядка титулования офицеров и т. п.

Участник т. Малышев пишет: «Недовольство солдат было доведено до крайних пределов: терпели голодовку, недостаток жиров; очень плохой хлеб вызывал у всего батальона понос и ижогу. Такая болезнь у солдат протекала с начала выступления в лагерь и до 20 августа. Поводом к недовольству солдат также послужили ненужные для войск работы, но в каких то интересах начальника полевых инженерных войск, генерал-майора Малышевского делалась выемка, т. е. спуск к мосту через Зах-арык, что в 1 версте с северо-востока от саперного лагеря, куда ежедневно выгоняли до 200 человек для работ на тачках. Все это продолжалось до последнего момента».

В Туркестанских Ведомостях от 2/VII-17 г. № 81 (143) (орган Турк. Временного правительства) некто Иваницкий, которого по типу статьи «Бунт Туркестанских саперов», пожалуй, нужно отнести к монархистам, пишет:

«Причины недовольства, конечно, были: в одной роте пища плоха, в другой—отношения офицеров оскорбляло солдат. Особенно много причин было в 3-й роте, стоявшей в г. Мерве,

под командой офицера Г. Г. Там жаловались не только на нишу и отношение, но даже на злоупотребления с полученными солдатскими деньгами.

Была, кроме того, одна общая причина недовольств.—Это тяжелые воловые работы, производившиеся в период одиночного обучения. Кажется, уже третий год саперы прорывали какую то дорогу. Официально эти работы назывались дорожными, заведенные в целях обучения «переписки земли, укладки каталых досок» и т. п. Ежедневно на эти работы генерал М. требовал по 100 человек, не делая исключения даже для телеграфистов и музыкантов. Смысл и польза для саперного дела, даже законность этих работ, были для большинства непонятны. Мне не пришлось видеть ни одного офицера, который бы одобрял и понимал эти работы.

Даже самые верные офицеры служаки и те признавали, что работы для дела бесполезны и не отвечают требованиям инструкции. Солдаты же эти работы ненавидели. На многоаршинной выемке, которую делали саперы, кто-то из них недолго до бунта написал не то «солдатская каторга», не то «каторжные работы».

Этот же Иваницкий делает предположение, и якобы об этом ему говорил Самсонов, что весь бунт является провокацией охранки т. е. что охранка «подложила свинью» Самсонову в отмечку за то, что он, Самсонов запретил наводнить лагерь агентами охранки, заявив, что «лучше открытый бунт, чем полное разложение войск» и постарался убрать из Ташкента начальника охранки Андреева.

Самсонову, писавшему на имя военного министра заключительный рапорт (№ 4040) о событиях, понятно, было невыгодно сообщить такие причины восстания, как плохое обращение с солдатами офицеров, ненужные работы, плохая пища и пр. Кстати, суд тоже не занимался этим вопросом. Он этот вопрос дипломатически обходит и пишет:

«Из всей картины беспорядков 1-го июля в саперном лагере видно, что беспорядки эти не имели характера массового вооруженного восстания нижних чинов, а являлись делом кучки главарей, которые путем угроз заставили примкнуть к ним товарищей, принявших под влиянием первых большее или меньшее участие в затеянном ими бунте».

Абсурдность этого вывода очевидна, как из вышеприведенных выдержек воспоминаний, так и из показаний—хотя бы Шереметьевского о периоде подготовки, где определенно выявлено, что одни и те же вопросы волновали все части лагер-

ного сбора и приписывать восстание засилью главарей бессмысленно. То обстоятельство, что безобразия творились во 2-м батальоне еще в бытность его в г. Мерве, то, что с'ехавшиеся из разных мест в лагеря разные части царской колониальной армии быстро разобрались в своем одинаково для всех неясном положении, то, что на сходках все заручились обещанием поддержки саперам, устанавливает, что возмущение росло не только против отдельных офицеров, но и царизма в целом довольно длительный период и что восстание предполагалось, как массовое, не став таковым лишь в силу обективных причин.

В цитированном выше рапорте (№ 4040) Самсонов пишет: «Несомненно также, что бывшие в 1-м и 2-м саперных баталионах в 1906 году беспорядки оставили в этих частях след и до настоящего времени». Здесь ему следовало бы добавить, что не безызвестной саперам была и волна возмущений, прокатившаяся по России, в результате ленских расстрелов. В этом же рапорте есть место:

«Истинные причины беспорядков 1-го июля определенно не выяснились, но можно предположить, что они кроются отчасти в том материале, которым комплектуются инженерные части войск, причем новобранцы этих частей, будучи до службы преимущественно ремесленниками и мастеровыми, а также служа на фабриках и заводах, приходя на военную службу, распространявшимися, не легко воспринимают начала военного воспитания».

Из всех, нужно сказать, скучных материалов можно сделать только один вывод, что причины восстания, с одной стороны, заключались в недрах окружавшей сапер обстановки, характеризовавшейся беспроблемным насилием, а с другой—в недрах прогнившего и разложившегося царского строя, когда восстание сапер явилось одним из валов большой революционной волны, зашумевшей в дни своего возрождения, после ленских событий.

О вождях восстания.

Из материалов дознания видно, что как до восстания, так и во время его самую активную деятельность проявили: 1) Павел Волков, 2) Котляр, 3) Баряев, 4) Попок и др. Однако, суду, а впоследствии и самому Самсонову, угодно было разуть исключительную роль в восстании Гессена.

Самсонов в рапорте за № 901 пишет военному министру: «Гессен Эдуард получил образование в Технологическом институте

и в Венском университете». Сам Гессен в заявлении, поданном им Самсонову, после уже приговора суда сообщает, что он сын крестьянина. Родился 15/VII—1890 г. в Люблинской губернии. Окончил начальное городское и 2-х классное ж.-д. училище, пытался попасть в железно-дорожную техническую школу, но безрезультатно, ибо не был железнодорожником. Держал экзамены на вольно-определенного 2-го разряда. В 1907 г. при массовых арестах в г. Холме Люблинской губернии он арестован и ссылается в Сольвычегодск Вологодской губернии. Там за работу провокаторского характера, при помощи уездного исправника, получает сокращение срока ссылки. По возвращении в г. Холм пытается устроиться и там в охранке, но безрезультатно. В заявлении рисует себя желавшим разведать все и потом предать всех восставших, чего не мог сделать вследствие быстроты развернувшихся событий.

Судить об истинных намерениях Эдуарда Гессена по материалам охранки трудно. Но определенно проглядывает стремление, как Самсонова, так и суда создать известную фигуру, а может быть и опорочить восстание.

Относительно других вождей восстания официальные послужные списки говорят, что все они крестьяне и только Буриев—слесарь-рабочий, чьему, однако, доверять нельзя, ибо в списках не указано их социальное положение до службы. Большинство руководителей восставших и раньше неоднократно судились за недисциплинированность и грубое обращение с офицерами.

О причинах поражения Еще раз можно подчеркнуть, что восстание предполагалось, как массовое, ибо на сходках чувствовались одни и те же настроения во всех частях лагеря. Отсутствие у восставших стремления захватить какие-либо цехаузы с оружием и огнеприпасами, а последними они располагали только по 1 ящику на роту, говорит за то, что они рассчитывали на восстание большинства частей лагеря, когда на подавление незначительных, непримкнувших к восстанию, частей много патрон не потребуется, а при удаче восстания патроны достать будет легко.

Отсюда нужно считать главной причиной поражения—расчет в определении числа готовых к восстанию частей лагерного сбора.

Руководители не учли, что быстро подготовить можно саперные части, состоящие из рабочих и, что гораздо труднее раскачать стрелковые части, которые в большинстве состоят из крестьян.

Простодушная доверчивость организаторов к таким людям, как Шереметьевский, казавшемуся тоже мучеником, а на самом деле пьяницей обывателем, также повлияла на восстание, ибо дала возможность начальству насторожиться, что, пожалуй, послужило причиной срыва восстания, намечавшегося на 29/VI. Это говорит о неопытности руководителей.

Слабая связь с рабочими и, очевидно, недостаточная договоренность с революционными организациями в Ташкенте, также отрицательно отразилось на восстании, ибо восстание оттуда не получило никакой поддержки.

Затем, очевидно, у восставших не было хорошо разработанного плана восстания, что подтверждается неоднократным переносом дня выступления, а также тем, что в момент самого восстания, вместо немедленнойдачи в ранги своих вожаков командиров, а масса ведь нуждалась в них, вожаки по ротам ходили группами, чем и дали возможность царским офицерам завладеть инициативой и повести значительную массу солдат за собой.

«Милостивый» царский суд.

Приказом по войскам Турк. Округа от 27/VII—12 г. за № 283. Суду предавалось 228 чел. Судили по законам военного времени или вернее не судили, а разыгрывали комедию, ибо веское слово сверху было сказано, а суду оставалось только оформить его. Вот приказ царя:

Телеграмма

Ташкент.

Командующему войсками округа.

из Петербурга 6-го 6 ч. 50 м.

На всеподданнейшей телеграмме Вашей безпорядках Троицком лагере государю императору благоугодно было собственноручно начертать двоеточие с **виновниками** подчеркнуто бунта должно быть поступлено беспощадно занята о чем сообщить командующему войсками точка О такой высочайшей резолюции сообщаю Вашему Высокопревосходительству 2875.

Подпись генерал Вернандер.

Суд постарался и присудил: к смертной казни через повешение 1) Онучкина, 2) Баряева, 3) Волкова, 4) Котляра, 5) Попока, 6) Тарасова, 7) Нефедова, 8) Рачинского, 9) Савкина, 10) Слободского, 11) Жулябина, 12) Гессена, 13) Юр

ченко, 14) Бунина, 15) Шубина; в бессрочную каторгу 18 чел.: на каторгу от 4 до 15 лет—93 чел.; в исправительные арестантские отделения от 4 до 6 лет 81 чел. и в дисциплинарные части от 1 до 3 лет 15 чел.

Оправдано всего 7 человек и Шубину смертная казнь заменена каторгой.

Из всех осужденных заявления с просьбой о помиловании подало не более 12 человек, а из смертников, кажется, трое. Здесь Самсонов оказался на высоте своего положения и на этих заявлениях удостоил написать лишь: «читал».

Через некоторое время, осужденный на каторгу сапер Потоцкий, в целях добиться уменьшения срока наказания себе, дал новые показания, по которым суду пришлось дополнительно судить 40 человек, из которых получили различные наказания вплоть до каторги еще 35 человек.

Приговор суда в отношении приговоренных к смерти был приведен в исполнении полковником Прозоровым 12/VIII—12 г. в 11 ч. 50 м. вечера в стенах крепости. Через 15 минут тела умерших были сняты и отданы на погребение полицеймейстеру русской части города Ташкента.

**Отголоски и роль
восстания.**

Восстание нагнало холоду царским службам. Они приняли всяческие меры к тому, чтобы делу не придавать никакой гласности. На суд пускали только офицеров и то по особому разрешению. Назначены были специальные борзописцы на случай необходимых заявлений в печати. Всем частям округа рекомендовались самые тщательные меры охраны и наблюдения. Однако, все гладко не обошлось. Начальник Туркестанского Районного охранного отделения 3/VIII—12 г. за № 3810 сообщил Самсонову: «В Мерве команда стрелков под начальством унтер-офицера проходила мимо сменявшегося домашнего караула сапер. Нижние чины последнего, а также и заступающего караула сталиплощадно ругать проходивших стрелков, называя их «шкурами».

«22/VII, в день тезоименитства государыни, на площади в Мерве был парад. После провозглашения начальником гарнизона о здравии государя императора, войска стали кричать «ура», но один из нижних чинов, стоявших среди городской публики сказал: «Чего кричать ура за государя, надо кричать за тех, что бунтовали в Ташкенте».

В органе Совета Солдатских и Рабочих депутатов Турк. Края «Наша газета» от 5/VII—17 г. в № 59 т. Исакович приводит ряд материалов охранки. Так, агентурной запиской

агент охранки «Зорька» (это бывший сапер, предатель Шереметьевский) 9/XI—12 г. доносит: «В настоящее время в Ташкенте существует довольно сильная военная организация, имеющая связь с городскими. Бунт, произошедший 1-го июля текущего года, является как-бы ласточкой и ему особенного значения не придавали в революционной среде. Работы по подготовке открытого восстания продолжаются, чему способствует и то обстоятельство, что арестами, произведенными после 1-го июля, боевой элемент остался почти нетронутым».

Офицеры же, принадлежащие к организации, остались нетронутыми. Настроение среди войск повышенное и это движение, безусловно, выльется в форме какого-либо протеста и возможно весьма серьезного».

В этом же номере газеты т. Исакович пишет, что на приговор сапер, по его об'явлению была выпущена гектографическая листовка, которая была найдена разносчиком газет Минеевым и попавшая в охранку вместе с сообщением от 14/VIII—12 г. бывшего редактора «Турк. Ведомостей» г. Левина. Вот содержание ее:

Туркестанская междупартийная военная организация.

Товарищи!

Итак, суд кончился и суд произнесен. Пятнадцать наших несчастных товарищ будет убито своими же братьями. Почти две сотни будут замучены позором и пытками каторги. За что? Разве палачи интересовались этим? Разве им нужны были доказательства вины? Разве следствие представило хоть какую-нибудь тень доказательств, неоспоримо доказывающей виновность товарищей? Нет! Перед палачами-лицемерами, называвшими себя судьями, были лишь две телеграммы: приказ кровавого царя «судить по всей строгости законов» и ответ генерала Самсонова: «пощады не будет». Этого было достаточно для того, чтобы заставить судей забыть все законы нравственности, прав, справедливости и чести и рабски подписываться под приговором, заранее заготовленным в канцелярии генерал-губернатора. Товарищи! Теперь очередь за нами. Теперь мы должны произнести приговор над палачами и слугами Николая второго. Пусть знают, что сотни загубленных солдатских жизней послужат для них же только ступенями на лестнице повышений чинов и орденов. Пусть знают, что мы также будем судить их «по всей строгости законов», что по-

щады не будет, и что мы не примем во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств. Око за око, зуб за зуб. Пусть каждый из Вас, товарищи, навсегда запомнит, что на нем лежит долг беспощадной мести за убитых и имеющих быть убитыми и замученными братьями.

(На подлиннике была печать Турк. междупарти. воен. организации).

По характеру листовки можно предположить, что в межпартийной организации господствовало влияние эс-эров.

В рапорте военному министру за № 4040 Самсонов писал: «Возможно, что часть участников вооруженного восстания 1-го июля осталась невыясненной и, наоборот, что некоторые нижние чины, понесшие более легкие наказания, не принимали участия в бунте. Однако, в таком тяжком воинском преступлении я считаю лучше покарать десять невинных, чем оправдать одного виновного».

Чем была вызвана эта исключительная злоба царского правительства? Она, кажется, ясно обясняется теми сокровенными мыслями, которые высказал на отпевании погибших офицеров в Ташкентском соборе протоиерей. Об этом газета «Асхабад» в № 156 (4197) от 8/VII—12 г. пишет: «При похоронах убитых офицеров свою речь протоиерей закончил в соборе.— Это событие роняет в глазах туземного населения наших хороших воинов Туркестанского края и подрывает их авторитет».

Иначе: восстание сапер здесь в центре колонии, где власть колонизаторского царского правительства только и держалась на верных штыках, естественно, являлось таким злом, которое подрывало в корне их колонизаторское могущество.

Самсонову быстро втихомолку и жестоко нужно было расправиться с саперами потому, что он за их штыками видел гибель русского колониального могущества, ему чудились миллионы восставших колониальных рабов, которые с разложением основы-основ «хороших воинов Туркестанского края» похоронили бы под обломками царского строя колонизаторское благополучие многолюдной оравы царских опричников.

Восстание сапер, совпав с началом оживления революционных волнений после ленских расстрелов, лишний раз подчеркнуло, что насилие царизма дошло до своего кульмиационного пункта, что начался закат его гнилых дней.

Шмарцев.

1918 ГОД В ТУРКЕСТАНЕ.

(Хроника событий)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При составлении хроники событий 18-го года, как и 17-го¹⁾ пришлось столкнуться с недостатком материала по целому ряду интереснейших моментов, особенно местного характера, т.е. отдельных областей и по истории нашей партии вообще²⁾.

И только тогда, когда работа в основном была закончена. Истпарту удалось разыскать новые материалы—дела Ташкентского Исполкома и пленума Совета, красной гвардии, Закаспийской обл. и др.

Это обстоятельство побуждает нас, печатая настоящую хронику еще раз вернуться к проработке 17—18 г.г. с тем, чтобы не только пополнить ее новыми фактами, но и расширить имеющиеся и дать их в более подробной и ясной форме.

И. Финкельштейн.

До периода, когда действовал уже новый стиль, текст в настоящей хронике событий выведен двумя датами, т.е. новым и старым стилем.

Наименования областей, городов и проч. даны того периода, в скобке переименованные.

События относящиеся к краевой власти, равно как к краевому органу партии, идут вне наименования какой бы то ни было области.

Г. Ташкент входил в Сыр-Даргинскую обл., но, как центр Ср. Азии, не дан под заголовком области.

Примечание редакции.

¹⁾ Хроника событий 17 года напечатана в № 3 нашего журнала «Отд. Революции на Востоке».

²⁾ Отсутствие документов и заставило пользоваться, главным образом, газетным материалом.

деятельность которого проходит под влиянием фракции коммунистов-большевиков.

(Голос Самарканда, № 254).

12. *Закаспийская область*. Председателем Красноводского правительственно распорядительного комитета опубликован приказ, на основании которого «все собрания гр-и, а также профессиональных организаций и союзов г. Красноводска и уезда его, без разрешения правительственно распорядительного комитета запрещаются» и заявляет, что за устройство самочинных собраний виновные будут привлекаться к ответственности.

(Ф. XIV Среда збюро ЦК ВКП, д. № 12, л. 2).

17. *Ташкент*. Открывается II Краевой съезд партии коммунистов-большевиков. Целых 5 дней съезд уделяет внутрипартийной группировке в связи с образовавшейся в Ташкенте, так наз., старых коммунистов. Съезд предложил группе «старых коммунистов» подчиниться партийной дисциплине и войти в одну из организаций партии.

(Наша Газета, №№ 268—269).

21. При Оренбургской школе военных инструкторов организован коллектив коммунистов-большевиков из 14 чел.*).

(Арх. ЦК КПТ, № 671, л. 2).

24. Туркестанская республика объявлена военным лагерем.
Примечание: в связи с осложнением на фронтах и усилением контрреволюции в самом Ташкенте.

(ЦУАРДЕЛ СНК, д. № 3, л. 36).

Джора Сакиров.

Ходжент в революцию.

(Воспоминания)

В 1916 году.

К 1916 году население Ходжента состояло, главным образом, из кустарей, а по волостям преобладали батраки, чайрикеры и безземельные дехкане. Мировая война гибельно влияла на их экономическое положение. Местные байи, ишаны и спекулянты всячески использовали тяжелое положение рабочих и дехкан, доводя этим угнетение до последних пределов.

В начале июля 1916 года, когда вышло знаменитое «повеление» Николая Романова о мобилизации на тыловые работы, байи, ишаны и все другие блудолизы принялись уговаривать народ немедленно выполнить приказ. Однако, общее мнение населения было: рабочих не давать. Недовольство растет. Население требует отмены приказа. Самодержавное правительство предпринимает всяческие меры против растущего в массах недовольства и протестов. Но население упорно стоит на своем. Так продолжается до конца июля. Приходят вести о разрушении Джизака. Правительство выпускает второе обявление. Грозит в случае невыставления рабочих Ходжентом подвергнуть его Джизакской участи.

Население Ходжента волнуется все более и более. Идет волна сборищ в мечетях и на кладбищах. Собираются все, от мала до велика, не исключая детей и женщин.

Наконец, народное терпение, дойдя до своего последнего предела, не выдержало. 4-го июля 1916 года население части города, «Калга-Путх», собравшись вместе с детьми и женщинами, в числе 4-5 тыс. человек, устраивает демонстрацию и через махалли Гузар-Ахун, Сарай-Балянд, с криками и скорбным плачем, направляется к дому ненавистного казы-каляна (великого судьи) Сейд-Ахмад-Хана Бузурк Казиева, жившего в махалле Хуш-Хауз.

Поймав казия Сейд-Ахмад-Хана и старшего аксакала «Калга-Нухти», демонстранты направились прямо к воротам Урды нового города.

*) Школа эвакуировалась в Ташкент в связи с занятием Дутовым Оренбурга.

У ворот Урды (Чаршамбе-Базара*) к 6—7-тысячной демонстрации примкнуло значительное число демонстрантов и из Разакской части.

Казий Сайд-Ахмад-Хан и аксакал Мирза Богадир, уверив демонстрантов в том, что они пойдут к приставу и добьются отмены приказа, обманным образом скрываются в канцелярии пристава, оставив демонстрантов на площади.

Подождав часа два, демонстранты убеждаются, что казий Сайд-Ахмад-Хан с аксакалом Богадыром их обманули, и скрылись.

Тогда один из демонстрантов выступает перед демонстрантами, призывает их ити в здание пристава, говоря: «Пусть нашу просьбу услышат власти».

Демонстранты с криком и плачем направляются к зданию пристава, но оттуда по ним вдруг открывают огонь из винтовки и револьвера.

Шедший впереди демонстрантов, падает раненый цулей.

Ошеломленные выстрелами демонстранты сначала шагов на 50 отступают, но затем вновь атакуют здание. Из крепости появляются солдаты и начинается обстрел.

Пренебрегая опасностью, собравшиеся бросаются атаковать солдат. Началась бойня.

Из крепости выбегают все новые группы солдат, огонь их усиливается. Убит старик кустарь, падают раненые.

Не выдержав перед вооруженной солдатской силой, демонстранты отступают и бегут по своим махаллям.

4-го же июля на помощь ходжентским властям из другой области приходит 2000 солдат пехоты и казаки с артиллерией и пулеметами, и вечером город об'является на военном положении.

По новгородским улицам и Чаршамбе-базарским махаллям выставляются солдатские караулы.

Выпускается приказ с воспрещением местным жителям разговаривать меж собой, выходить на улицы. Руководители демонстрации арестовываются.

После событий 4-го июля начинаются террор и насилия. Бедняки не могут пикнуть и даже выйти на базар приобрести предметы первой необходимости.

А когда жители махаллей Хазрет-Баба и Биш-Капа днем идут за водой на Дарью, солдаты вместе с офицерами

*) Чаршамбе-Базар—ныне Красная площадь.

беспощадно с ними расправляются; бьют прикладами, убивают.

В начале августа, когда население Ходжента находилось в особо тяжелых условиях, в Ходжент приезжает один из главарей правительства, Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин.

Сколько народ не просил и не плакал, от Куропаткина он дождался одного ответа: «Даешь рабочих, или ходжентские сарты будут расстреляны так же, как и джизакские».

В результате всех этих репрессий население принуждено было сдаться: рабочие были даны. Вся тяжесть набора пала на плечи бедняков и трудящихся, а сыновья баев продолжали оставаться спокойно в Ходженте. Недовольство широких масс штыками было загнано внутрь.

Ходжент в Феврале. Весть о Февральской революции 1917 года и падение царя Николая рабочими и крестьянами Ходжента была встречена, как неописуемое счастье, обещающее светлое будущее. На каждом шагу в устах каждого только и можно было слышать: «Царь Николай поработил и угнетал нас, а теперь сам упал в яму, вырытую для других, и для нас бедняков пришла пора свободно вздохнуть».

Однако, вести-то о Февральской революции пришли, а у власти на местах продолжали оставаться старые сторонники самодержавного строя, оправдывая пословицу: «Старая бана—старый и таз». Ходжентские бай и манапы повели усиленную агитацию о том, что все де хорошо, великий царь на своем престоле и разговоры о его падении—сплошной вымысел.

В апреле 1917 года происходит митинг при большом стечении народа на Чаршамбе-Базаре. Под руководством меньшевиков и эс-эров, выбирает Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Распространенное этим Советом обращение говорило о задачах Совета в деле охраны общественного спокойствия и о недопущении им нежелательных массовых действий.

В этом Совете Рабочих и Солдатских Депутатов большинство мест захватили бай-манапы (председатель был торговец), духовенство, меньшевики и эс-эры, опирающиеся на представителей старого, строя. Поэтому интересы трудящихся в Совете остаются вне поля зрения.

Рабочие группы, мобилизованные ранее в Ходженте, посланные в свое время во внутренние губернии и получившие там

при помощи рабочих России революционный опыт в Февральском перевороте, возвращаются в Ходжент и принимаются за работу создания настоящих Советов, общественных организаций и подлинного освобождения ходжентских пролетариев*).

Под руководством этих товарищев продолжается самая горячая работа по созданию общественных организаций и подготовке организаций подлинной власти трудящихся. Эти товарищи стремятся к изгнанию засевших во власти баев-манапов, духовенства. В мае и июне поступают сведения о продолжении Керенским кровополитной мировой войны. В новом и старом городе созываются внеочередные митинги, которые выносят резолюции против нее.

Гонения правительства Керенского все возрастили, а параллельно им росло и недовольство среди населения. Укреплялась мысль о необходимости создания подлинной рабоче-крестьянской власти.

Октябрь.

Весть об октябрьском перевороте—свержении правительства Керенского. Опять чрезвычайные митинги, опять доклады о создании советской власти и ее дальнейших задачах.

Октябрьская революция всколыхнула трудовые массы, которые до того времени в революции не принимали никакого участия.

С этого времени начинают возникать политические организации, как то: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я** Шура-Исламия (Совет мусульман), Иттиход-Таливин (Единение учащихся) и др.

Борьба политических партий.

В феврале и марте 1918 года, под руководством подпольного члена партии большевиков, тов. Иваницкого, в его доме создается большевистская организация, куда входит несколько человек из местного населения.

В большевистскую партию из местного населения идут мало, ибо левые эс-эры разным обманным путем большинство втянули в свою организацию.

В феврале и марте здесь организовалась партия левых эс-эров и подавляющее большинство местного населения (в том числе баев-манапы и бывшие чиновники) входят туда.

*) Большинство из них сейчас члены партии и работают на различн. ответств. постах. в Узбекистане.

**) Под 1-м, 2-м, 3-м и 4-м, очевидно, нужно подразумевать сторонников, выставленных под этими номерами списков кандидатур в Учредительное Собрание.

Большевистская организация, в которой насчитывалось не более 10—15 человек, находилась в тяжелых условиях.

Со смертью тов. Иваницкого председательство в организации сначала переходит к тов. Курмаеву и Хисматови, а после к прибывшим из Самарканда Тихонову и Скачкову.

А когда большевистская организация несколько окрепла у нее возникают большие разногласия с левыми эс-эрами, на почве необходимости пересмотра состава Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, удаления от власти бывших работников старого строя и намечения на их места более подходящих кандидатур.

Лево-эсеровская братия немедленно принимается за дело подготовки и ликвидации, еще тогда численно небольшой, большевистской организации. В целях уничтожения большевиков, доставляется из Ташкента при содействии члена лево-эсеровского комитета Астерлова ружья, патроны бомбы, в Ходжент и в тот же день вечером все члены лево-эсеровской организации вооружаются.

Большевистская организация, держа себя на военном положении, об'являет мобилизацию своим членам и назначает секретные караулы на посты в новом городе.

В момент подготовки левых эс-эров к нападению на большевиков случайно взрывается, находившаяся в руках жившего в здании русско-туземной школы члена эс-эров, Атаманова, бомба, член левые эсера и выдают свою тайну.

Председатель большевистской организации Тихонов созывает чрезвычайное секретное собрание членов партии. Там принимаются соответствующие меры и нападение эс-эров предотвращается. Организуется из вооруженных членов партии красногвардейский отряд, начинающий нести славную героическую службу по охране общественного порядка в городе.

В феврале и марте 1918 года распускаются солдаты старой армии, а на ее место организуется добровольная Рабоче-Крестьянская Красная Армия, в ряды которой вербуются рабочие, побывшие по мобилизации в России.

Для организации Красной Армии военным комиссаром от большевиков назначается тов. Переvertалов, а командиром солдат от лево-эс-эровского комитета—Урядов.

В конце 1918 и начале 1919 года эс-эровская организация, не достигшая цели в деле ликвидации большевиков, решила воспользоваться тем, что член ее партии Урядов стоял во главе Красной армии, вторично думает наступать и пытается подготовить захват крепости.

Однако, находившиеся в крепости красноармейцы Жора Закиров и Шакиров, будучи осведомлены об этой подготовке, через военного комиссара, большевика тов. Перевертаева, сообщают о ней в Ходжентский партком. Второй наскок левых эс-эров опять предотвращается. Командир красноармейцев, левый эс-эр Урядов, арестовывается.

В результате январских событий 1919 года*) связь между Ходжентской и центральной властью прерывается на несколько недель. Как в Ходженте, так и уезде общественный порядок организуется под лозунгом «Власть на местах», а для получения полных сведений об осиповском восстании от Ходжентского Парткома посылаются партийцы красноармейцы с пакетами в Пскент и ЦК партии в Ташкент. Связь была восстановлена.

С получением вести о побеге Осипова, все партийные силы Красной Армии и гвардии направляются в Ура-Тюбе для поимки его, но—безрезультатно.

После этих событий, в момент, когда нужно было приступить к осуществлению очередных революционных задач, стоявших перед партией и Ходжентской организацией, руководители ее Тихонов и Скачков сползают с линии партии.

Пользуясь пребыванием у власти, они начинают брать взятки, сближаться с баями и манапами, налагать на трудящихся, под видом контрибуций, обременительные налоги и штрафы, грабить население.

Недовольства и возмущения населения тихоновщиной доходят до ЦК партии в Ташкент, откуда и прибывают для руководства работой, закрепления партии и советской власти тов. Калевлеев и Юсупов.

В результате Тихонов за измену партии и революции арестовывается. На глазах рабочих и крестьян Ходжента открытый суд, установивший преступления, осуждает всю тихоновскую компанию к 20-летнему тюремному заключению.

В конце 1919 года созывается внеочередная конференция большевистской организации. Председателем избирается тов. Ахмат-Бек-Мавлямбеков.

Этим был сделан следующий шаг в деле укрепления партии и советской власти и привлечения симпатий рабоче-крестьянских масс. На очередь становилась беспощадная борьба с врагами пролетарской власти—баями, манапами и басмачами.

*) Осиповское восстание.

На Сулюктинских угольных шахтах создаются рабочие политические организации, которые на всем протяжении революции проявляют крупную не устанную деятельность в деле борьбы с контр-революцией и басмачами, играя важнейшую роль в революционных событиях Ходжента. Рабочие Сулюктинских шахт составляют основную опору организованной в Ходженте власти.

С рабочими Сулюкты устанавливается прочная связь. В 1918 году у них создается большевистская организация партии, председателем которой избирается тов. Поропун. Он энергично борется с контр-революционными партиями и басмачами и достигает крупных успехов.

Ходжент в борьбе с басмачами. Известными главарями басмачества в Ходженте являлись: Аман-Кул курбashi, Ислам-курбashi, Халбутак, Турдубай и другие, которые тогда со всех сторон окружали Ходжент.

В 1919—23 годах советская власть существовала лишь в городе и только с 23 года, по ликвидации басмачества, власть организуется и закрепляется в волостях и кишлаках Ходжента.

Сильный рост и господство басмачества относится к 1919—20 годам.

В это время ходжентский Партком вместе с Ревкомом создают, под председательством тов. Ахмат-Бека-Мавлямбекова, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с басмачеством, которая тот час же организует партизанский отряд в 200 человек, а также об'являет мобилизацию всем членам партии и комсомольцам.

Центральной задачей власти становится—ликвидация басмачества.

В 20—21 годах басмаческое движение достигает таких размеров, что становится невозможным выйти за город.

Районы города Кудук и мельницы неоднократно подвергаются нападению, но ответным натиском Красной Армии, партизанского отряда и членов партии басмачи успешно отгоняются.

Басмаческое движение в волостях Ходжента постепенно уничтожается и окончательно ликвидируется в 1925 г.

Благодаря завоеванию Октябрьской революции и дальнейшему руководству большевистской партии, пролетарии Ходжента начинают восстанавливать разрушенное в период войны и революции народное хозяйство, являя культурный и политический рост и становясь подлинными хозяевами власти и организаторами социалистического строя.